

ПРЕДЧУВСТВИЕ БУДУЩЕГО

Дмитрий Косырев

ПОСЛЕ ВОЙНЫ:

остров Вай
и боги

песка

Мастер Чэнь
После войны: остров
Вай и боги песка
Серия «Предчувствие будущего»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74256766

После войны: остров Вай и боги песка:

ISBN 978-5-17-185943-5

Аннотация

Большой тропический международный пляж – то ли Гоа, то ли Бали – после Третьей мировой. Пляж – приходящий в себя мир в миниатюре. Это мир, где закатывается информационный век (ходить со смартфоном считается дурным тоном), где в ходу золотые динары и серебряные дирхемы и где по песку гуляют несчастные назгулы и бамы. Да, не забудьте: перед вами шпионский роман, но это не главное. Главное – что это очень веселая и радостная книга.

Содержание

После войны: остров Вай и боги песка	5
Часть первая	5
Палка бах-бах	5
Босс взад	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Дмитрий
Евгеньевич Косырев
После войны: остров
Вай и боги песка**

© Косырев, Д. Е., текст, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

После войны: остров Вай и боги песка

Часть первая Агент вернулся

Палка бах-бах

Угрозы и вызовы обозначились в первую же ночь на острове Вай. Обозначились в виде громкого шуршания на крыше моего домика.

Я не оперативник, но, когда происходит чертовщина, какие-то инстинкты включаются. Мой отель – это ряд одноэтажных шатких домиков на сваях вдоль пляжа, спинами они прижимаются к крутому горному склону, поросшему джунглями. На склон лезть бесполезно. Орать и будить соседей – это долго.

А тогда надо так: из дверей – вот как есть, в голом виде, налево и вниз кубарем по четырем ступенькам на каменную дорожку, обдирая бока, но жизнь дороже. И сразу выкатиться из смертельного света цепочки круглых фонарей на уровне колена, озаряющих всю территорию отеля ночью,

выкатиться на песок, в сторону воды, потому что больше некуда. И двигаться, двигаться дальше и непрерывно. Шансы небольшие, но это лучше, чем вообще без шансов. А думать о том, какая сволочь влезла ко мне на крышу и зачем, — это потом.

Дверь я распахнул рывком, мгновенно шаря глазами по кромке шиферной крыши, она отлично виднелась в свете фонарей. И прямо перед моими глазами свешивается...

Серое, толщиной с сосиску, не змея, а, скорее, толстая волосатая веревка, на конце закручивающаяся крючком.

— Палка бах-бах, — донесся сонный сдавленный голос снизу, оттуда, где на каменной садовой скамейке виднелась куча серого тряпья.

Какая, на фиг, палка бах-бах? Но тут из тряпья высунулась тощая кисть и указала на двухметровое бамбуковое оружие, прислоненное к порогу на расстоянии моей вытянутой руки. Потом уже, на следующий день, я увидел, что такая палка прилагается к каждому домику, стоит и ждет у входа. Вот для тех самых целей.

Недовольный стук этой штукой по краю крыши произвел нужное действие. Серый хвост... конечно же, хвост... исчез, снова зашуршало сверху, оттуда посыпались пучки мягких и длинных игл казуарины. Затем на крыше соседнего домика, стоящего впритык к моему, раздался мягкий шмяк, и все стихло. Море успокаивающе шуршало, замирало и шуршало снова.

Так я познакомился одновременно с двумя достопримечательностями острова – с бамами (а на скамейке, совершенно очевидно, был один из них) и с собачьим языком в обновленной версии.

* * *

Дальше я вернулся в прохладу комнаты, покосился на зеленый глаз тихо урчавшего кондиционера под потолком... и ко мне в голову вломился сон. Опять сон. Эта гадость так и не уходит от меня после ранения, подумал я, но здесь-то, у моря с его успокаивающими вздохами, ведь должна постепенно исчезнуть?

Сон вот какой: красные сполохи, завывания злобной темной толпы, танцующей вокруг пылающего памятника Дональду Трампу в Майами. Металл не горит, скажете вы, но мне казалось, что подсвеченный отблесками кровавых огней человек из сверкающего сплава от жара скручивается с поднятым кулаком и заваливается вбок. Беснующаяся толпа тянет его за канаты, привязанные к шее, чтобы он упал в разведенный ею огонь, но тут раздается вой сирен и в бой идет стена полицейских за пластиковыми щитами. Толпа волной отбегает, вливается в улицу с площади, тут обнаруживает меня – и начинается погоня. И кто-то мне пытается что-то сказать, меня куда-то направить, а что будет там – неясно.

Это же всему миру известные и довольно старые, прошло-

годние уже телевизионные кадры, пытался я сказать себе. Меня там не было и нет. Но толпа – мелькали в отблесках огня эти выкаченные глаза – подступала все ближе, я ощущал вонь горящего бензина и жар с площади... Это во сне-то? И сон не уходил.

* * *

А началось все вот как: меня вызвал... нет, пригласил Юрий Ефимович Шляйн, по званию полковник, человек как минимум легендарный во всех отношениях. И начал разговор с приятного:

– Привет герою. Значит так, я говорил с твоими докторами в Красногорске. И передаю тебе их строгое предписание. Длительный отпуск в теплой тропической стране. В домике на песке. Ровно в десяти метрах от прибоя, который вот так – ш-ш-ш, и снова ш-ш-ш. Отлично лечит от шизофрении, между прочим, но у тебя другой диагноз. Дальше... Не перебивай старших по званию... Дальше – там должен быть бесконечный пляж эдакого белого песка, по которому ты через километр выходишь, повернув влево – правильно, влево? – на бесконечную дорогу с ресторанами и прочими удовольствиями. Форма одежды – резиновые тапочки, легкая рубашка и тонкие штаны на веревочке, которые вот тут, на пузе, бантиком завязываются. Плавать не меньше четырех раз в день. Это приказ. Задание понял? Срок командиров-

ки – минимум три недели. Отъезд из наших снегов (тут он мрачно посмотрел в окно) – хоть завтра. А лучше сегодня. Тот самый домик тебе уже заказан. На послезавтра, кстати. На твое настоящее имя. Расходы оплачиваются, командировочные и прочие динары выдаются в мощных количествах. И лечиться, лечиться и еще раз лечиться. Восстанавливаться, то есть.

Я молчал, потому что говорить об очевидном не было смысла. На моей работе это нормально – когда раньше человек в какой-то частной беседе отвечал на вопрос: где лучшее место в мире? Где бы ты хотел вот сейчас оказаться? И человек этот честно отвечает – есть, говорит, такое место, оно называется остров Вай.

И даже объясняет, почему, и в подробностях. Вот это все перечисляет – домик в десяти метрах от прибоя, его номер – 17А. Прямо перед твоей крошечной (еле протиснешься) верандой толстые стволы двух казуарин, левее кокосовая пальма... Ну, обычный же разговор, кто-то спрашивает человека – есть ли у него мечта, место, где он был в последние недели перед войной, и которое еще неизвестно уцелело ли. Он и отвечает. Не секрет все это. И тут кто-то этот не секрет заносит в твое досье. Здесь не самая интимная информация из той, что там еще может и даже должно быть. И товарищ полковник имел бы полное право ею располагать, если бы только...

А Шляйн, как настоящий волшебник, ехидно смотрел на

меня, полагая, что удивил и смутил.

– Товарищ полковник, – заполнил я паузу. – И все было бы хорошо, если бы только не пара странностей. Я не оперативник, а аналитик, и после госпиталя официально вернулся в родное подразделение. Хуже того, достигнута договоренность – я и оттуда ухожу, на преподавательскую работу. А тут меня вызывает...

– Приглашает, – поправил он меня.

– Не смешите – ну, хорошо, приглашает. Приглашает человек, возглавляющий – если я не путаю – спецгруппу или спецподразделение по каким-то загадочным особым операциям. Кто там вассал чьего вассала?

– Откомандирование с твоим начальством согласовано, – быстро перебил он меня. – И студенты подождут до первого сентября, а сейчас, как-никак, январь. В целом же – я слышу голос аналитика и ощущаю его мощный разум. Этот разум – одна из причин того, что лечить на упомянутом пляже надо именно тебя и больше никого, просто других кандидатов тут нет. Пробовали, искали, перебирали, но не получается.

Так, кивнул сам себе я. Нет, значит, других кандидатов. Это приказ, и так далее.

– Вторая причина: там твой регион мира, ты конкретно на этом Вае был и знаешь там каждую собаку. И кстати о животных – ты хотя бы в черновом варианте знаком с собачьим языком, или там диалектом. Но есть и еще одна, главная причина. Вот теперь слушай: это твой друг детства Шу-

рик. Айтишник, сто восемьдесят килограммов чистой гениальности.

* * *

Так. Теперь что-то понятно. Значит, Шурик.

Не совсем друг и не совсем детства, конечно. Мы просто несколько раз пересекались на студенческих пьянках. За сто килограммов у него было уже тогда, так же как и наличиевала упомянутая гениальность. И он был технарь, то есть существо из иного мира – но все же мы постоянно встречались.

Знаете, это уже какая-то надоевшая всем карикатура глобального масштаба – непристойно жирный айтишник, заросший бородой и прочими волосами. Очевидный гений, вытворяющий в инфоэфире небесном что угодно. Не боящийся никакого начальства, поскольку оно знает, что тут гений. Наглая, в сущности, рожа. Их, таких, по всему миру legion.

Так вот, Шурик, скорее всего, просто очень старался соответствовать этому легендарному образу. Он не только упивался своим чрезмерным весом и тем, как это ужасает окружающих. Он еще демонстративно жрал. Он мог пройти мимо товарища и на ходу стырить у него пальцами какой-то кусок с тарелки со словами «раз ты его еще не схавал, значит, ты его не хочешь». А когда я раза два посетил по своим служебным делам его айтишную берлогу уже в послестуденческие времена, там был просто кошмар, от которого колле-

ги старались держаться подальше. Мусорная корзина и пол вокруг нее были завалены обертками от какой-то вредной и жирной еды, но хуже всего была пицца.

Коробку от пиццы не свернешь в трубочку, она какое-то время валяется на открытых местах и – пахнет. Никогда не думал, что этот потрясающий запах сыра и базилика может быть отталкивающим, но любое логово Шурика этой штукой пахло тошнотворно. Это притом, что саму пиццу он сжирал сразу и без следа, всю, до кусочка, целиком. Но промасленная бумага оставалась.

А еще он терроризировал народ своей любовью к стриптизу. Представьте себе клуб, сцену с шестом и вот такое чудище в первом ряду, засовывающее ассигнацию в трусы очередной извивающейся у шеста девочке. Они, кстати, все его наверняка знали и передавали друг другу нехорошие легенды про его бесчинства.

И понятно, что довести себя до такого безобразия мог только гений – человек, который умел все и знал, что он лучший. Вломиться на сайт Пентагона и оставить там порно – то было ниже уровня Шурика, кто только на этот сайт не вламывался. А вот хвастаться перед своим хакерским сообществом тем, что он взломал госбанк какой-нибудь несчастной Норвегии, стырил оттуда миллион крон или что у них там в ходу, а потом мгновенно вернул их, и ему за это ничего не было – вот так веселился Шурик. Выполняя при этом и вполне серьезную работу, и тоже с блеском.

Дальше, как известно, была война. И последний, кого на этой войне я рассчитывал встретить, был Шурик. Но тем не менее легенды о нем пошли и оттуда.

Шурик запускал и контролировал наши дроны, боролся с дронами не нашими, создавал какие-то безумные решения и писал безумные программы. И не из безопасной берлоги в Москве. Легенды же про него ходили насчет того, как этого человека доставляли – именно доставляли – на нужную точку на нужном расстоянии от линии боевого соприкосновения, желательно на броне танка, потому что в обычный автомобиль его втиснуть было не очень легко. Да, а позывной у него был «Гора», или «Человек-Гора», притом что позывные мы чаще всего сами себе придумываем; мой был «Азия», если это кого-то интересует.

Собственно, вот и все. Дальше, перед самым концом войны, я попал в госпиталь, было мне сильно не до Шурика – и вот теперь он как-то всплыл в самом неожиданном месте и в самое неожиданное время.

* * *

– Изложите, если можно, суть дела, товарищ полковник, – мрачно вздохнул я.

– Непременно, товарищ подполковник.

– Я майор...

– К досрочному очередному званию представлены, после

выполнения задания уж как-нибудь подписи придут...

Тут надо знать особенности Шляйна, этого человечка с большим носом, похожего на нахохлившуюся птицу. Он обо-жает изображать из себя вот это – «сигналом к атаке служат четыре зеленых свистка вверх» и прочее. Но мы-то с ним встречаемся не в первый раз и знаем друг друга.

– А история такая, – скучным голосом сказал Шляйн. – Шурик оторвал когти от родной земли. И так оторвал, что без следа. Года полтора назад следы его пребывания были выявлены на этом твоём Вае. Ну, сначала он свалил в Тур-цию под именем Сергея Безуглова или что-то в этом роде. Дальше его след нашелся в Омане, но по пути туда он стал каким-то Хорхе Гонзалесом или что-то в этом роде, гражда-нином Коста-Рики. И вроде как вылетел таковой гражданин в общем направлении Вая, как минимум в ту империю. И исчез. Но след его там мелькал. В инфопространстве. На Вае. Вот это было грустно.

– Слушайте, товарищ полковник, – огорченно сказал я. – А так ли уж надо сегодня ловить дезертиров? Вы же меня знаете, я бы таким делом заниматься не хотел. Другой мир сегодня, другие проблемы, ну то есть – если сам случайно попадется, то еще ладно. Но здесь что-то явно другое, так?

– Аналитик! – восхитился Шляйн. – Все так. Но здесь вам не тут. Шурик твой дезертир? Нет. Он отвалил буквально на другой день после демобилизации. Секретоноситель – а это как посмотреть. Только он такой секрет носит, что статьи

кодекса или служебной инструкции на него нет и не будет. И получилось так, что этим секретом заинтересовались плохие люди, и нам об этом стало известно, и люди эти тоже вроде как обратили свой взор в сторону империи и даже, возможно, Вая. Они его ищут, твоего Шурика. Но в целом ситуация для тебя пока такая, скажем, без фанатизма и спешки.

Он устремил на меня свои добрые-добрые глаза:

– Если что, я бы мог своих оперативников туда заслать. Здоровые ребята, без такого ранения, как у тебя. Но пока нужен ты, для неспешной работы без мордобоя. Главное же – если тебе удастся все-таки его обнаружить, он с тобой, может, хоть как-то говорить станет. А смысл всего в этом, поговорить. Так, досье и все прочее ты прочтешь вот прямо сейчас, зайди к Маше. Там будет сказано, что на Вае у тебя возможен и необходим контакт с нашими людьми и нашей агентурой. Они там есть. Ждут тебя и будут помогать. И в досье имеется многое прочее, кроме главного – о каком секрете речь. Вот этого в наших документах нет и не будет.

– Даже в ваших?

– Вот представь. Такая уж гадость творится. Но ты не переживай, – наклонил он ко мне голову. – Работа не страшная. Можешь засветиться сколько угодно. Не надо суетиться. В сущности, мы тебя туда шлем в виде группы поддержки из одного человека. Для выявления, опознания и последующего разговора.

– То есть я опознаю...

– И немедленно оповещаешь меня, сам при этом не делаешь ничего. Инструкции получишь только после этого. Тут в чем штука – его на Вае и в соседних местах не то чтобы идиоты ищут. А все никак. Нужен аналитик – посмотреть, типа, что они делали не так. Ищешь без спешки, но системно, опираясь на помощь разных персонажей. Не найдешь – ну, жаль, но я в тебя верю. А заодно...

Тут полковник окончательно расслабился и устремил на меня задумчивый взгляд:

– Заодно – ты же аналитик, тебе же полезно наблюдать, а кто у нас сейчас вообще противник и что замышляет. Еще ведь дальше детишечкам будешь всякие умные вещи преподавать. Например, о том, в какой мир въехали. Ну, вот эта история с Шуриком – она жутко интересная получается. Помогает острому уму просечь сущность, то есть сучность, завтрашних угроз и вызовов. Они же ведь будут, но совсем другие – хотя останутся угрозами и вызовами.

* * *

Что было дальше... тут надо воркующим баритоном произнести примерно следующее: и я расскажу тебе, дружок, бесшную историю. В ней будут крылья гаруды, бесстрашные агенты, мистические персонажи типа обезьяньего бога или человека по имени Дьяволенок. Хотя после долгого разбирательства выяснится, что не такая уж это мистика, а все как

всегда, то есть у нас тут обычный мир и то, каким он сегодня, после войны, стал.

Босс взад

И я пошел его искать на следующий же день после прилета. Да, вот так – сам, один.

Конечно, это бред. Если на острове есть наши люди – а теперь я уже знал, кто это, двое наших медиков в клинике, которая возвращает к жизни назгулов... Плюс агентура – то есть завербованные личности какой угодно национальности... То мой первый вывод: наверняка это не весь список, а еще были и есть прочие и никоим образом не наши, и они уж как-нибудь искали Шурика всерьез. Но допустили какую-то системную ошибку. Вариант – ошибка заложена в задаче, то есть этого человека на острове или не было, или давно нет.

Но это слишком долго – в одиночку разбираться, как искали. Ну, понятно, что хакера ищут по тем следам и прочим разрушениям, которые он оставляет в нематериальном пространстве. И здесь очень легко ошибиться, тени в эфире – они и есть тени. Однако Шляйн был абсолютно уверен, что ошибки нет, а Шурик на острове есть. Он неправ? Не знаю. А вот что точно факт – он заслал меня на остров, с какой целью – это понятно только из его слов. Которым верить нельзя. И Шляйн знает, что я знаю, что он это знает.

То есть по его замыслу я должен быть здесь физически:

это точно. И искать, фактически, призрак. Смотреть, что было не так в предыдущих поисках? А если всем, и особенно мне, должно только казаться, что я ищу этот призрак, а на самом деле все сложнее?

Все эти схемы я с бешеной скоростью прокрутил в голове за десять часов полета. Дальше заложил в камеру хранения аэропорта зимнюю куртку, тяжелые ботинки и много чего еще. Оставил себе сумку с тем, что требуется человеку пляжа, плюс один очень важный и тяжелый пакет из дюти-фри. И никаких всем надоевших шуток с переходом к другой ячейке камеры хранения для извлечения оттуда целого арсенала вооружений – оружие мне, как очевидно считал Шляйн, не понадобится. Или – пока не понадобится? Сейчас – только голова?

И вот эта голова – с ней начало что-то происходить при пересадке на кукурузник в том же аэропорту в столице империи. И дальше, когда от кукурузника такси довезло меня до пристани, от которой на остров идут паромы.

На пристани этой голова моя начала формулировать неправильную мысль: да пошли вы все.

Это, собственно, самый популярный лозунг нашего сегодняшнего, послевоенного мира. Майки, платья, туники и хитоны – по всему миру и во множестве – украшены двумя буквами на уровне сердца. Английский еще держится за роль латыни наших дней, так что буквы – FU. То есть, по сути, «иметь тебя». Невежливый жест – похлопать пару раз двумя

пальцами правой руки по этим буквам на груди, даже если их там нет. Вежливый – наоборот, прикрыть их на миг ладонью, фактически приложив руку к сердцу. Арабы и прочие воспринимают это особенно хорошо.

Да, так вот – я вам говорю: а пошли вы все. Здесь другой мир, здесь пахнет морем, и, например, надо бояться вот каких угроз и вызовов – а если не успею на последний паром в шесть вечера? Тогда плохо. Мест для ночевки на этом берегу нет... даже жилых домов, по сути, нет, то есть не было пять лет назад. Но была тетенька – почти черная кожа, фальшивое золото в ушах и в угольно-черных волосах, жилистые ноги, которые несли ее за угол прибрежных сараев.

Выходила она оттуда с местным жителем. И он грузил вот таких, опоздавших, на свою пропахшую рыбой лодку, заводил кашляющий мотор и вез по уже почти черной воде к отдаленно горящим огням острова Вай. Одиноким странником среди волн – это я.

А если сейчас лодочников здесь уже нет?

Но громадина последнего парома – ряды автомобилей на нижней палубе, толпа людей на верхней – меня ждала, потом заурчала мощным мотором, и вот я уже всматриваюсь в те самые огни острова, они все ближе. На подгибающихся от восторга ногах схожу на берег среди толпы прочих пассажиров, местных жителей, китайцев разного происхождения и европейцев – русская речь звучит здесь громко и весело: мама, а вот тут на пароме была какая-то Алиса, которая раз-

давала интернет... нет, мама, я не назгул, я римлянин, просто забавно же было, она, небось, и не подозревала...

Такси – страшные на вид маршрутки с мигающими огоньками вдоль крыши – они и сейчас на острове есть. Куда бы они делись – а куда так многое делось в нашем мире? Таксист привычно морщится, слыша слова: отель «Пески», сопровождаемые характерным жестом – рукой резко вниз. По этой части здесь никаких перемен.

А вот и то самое «вниз». Железный чумовоз сворачивает с нормальной дороги, заливая бешеным светом джунгли и с диким скрипом рессор и тормозов ползет вниз, градусов этак под тридцать-сорок, среди громадных деревьев, лиан и прочего ночного ужаса. И ползет, и ползет, завывая мотором. И конца немыслимой дороге нет.

Но вот и это кончилось. И – не может быть, здесь ничего не изменилось. Уходящая ввысь крыша под сложным переплетением деревянных балок, среди них и вдоль веранды – гирлянды разноцветных огоньков, без всякой системы и смысла. Никакого металла, а дерево это хочется потрогать и еще раз потрогать. Столики на веранде – да ведь там за ними люди, живые люди с бутылками пива (все так же пьют из горлышка, без стаканов – тут так заведено).

И вот я иду под этой крышей по знакомым шатким доскам, мальчик в лиловой с белыми цветами униформе несет мою сумку, слева – на подставке – бог Ганеш из серого камня, увитый цветами, справа успокаивающий Будда, на стене

портрет императрицы, а впереди, с каждым шагом все ближе – за стойкой сияющий человек в той же униформе, но солидный, с чуть седеющими висками.

– Босс взад хорошо!

И, чтобы я не думал, что он совсем забыл английский, переводит:

– Добро пожаловать!

Я не то чтобы готов был заплакать – но вот он же помнит меня или делает вид... И триумфально достает из-под прилавка ключ, на котором написаны волшебные знаки: 17А.

Иду с сумкой (мальчик, пошел на две буквы, я здесь хожу один) по длинной, длинной садовой дорожке вдоль цепочки фонарей, желтых светящихся сфер на уровне колена. Они все здесь, эти домики на сваях. Море тоже здесь, невидимо шуршит слева, за домиками. Это мне снится?

Отель вообще-то – чудо, во множестве жадных и глупых стран этот драгоценный километр мягкого песка, к которому прижимается очень высокий, поросший джунглями склон... и эта тишина, абсолютная тишина... в прочих местах такой пляж был бы застроен бетоном и стеклом отелей, штук трех как минимум. Но на острове деньги решают не все, тут очень сложная и невидимая глазу система того, кто и чем владеет. И поэтому рай на белом песке – вот он, живет.

Мой домик – где? Он стоит, не может быть. Наверх раньше вели четыре деревянные ступеньки, нижняя была перекошена – и остается таковой, вот она, скрипит. Ключ подхо-

дит к замку. Кондиционер внутри – а, вот тут перемены. Было древнее дребезжащее чудовище, вдруг сходявшее с ума и замораживавшее тебя насмерть. Тут – продукт китайского гения, тихий, вежливый, уже включен в ожидании моего прибытия.

Не заплакать, ни в коем случае не заплакать от того, что этого всего не может быть, но оно есть.

А чтобы не плакать, надо сделать – что? Поставить на низкий холодильник, урчащий на перекошенном дощатом полу, пакет из столичного дьюти-фри. Открыть его, попросту нетерпеливо порвать. Стакан – вот он, древний и мутно-потертый. Веранда на воздухе, лицом к морю, крошечная, туда еле втискивается пластиковый столик и два таких же пластиковых, позорного вида кресла – вот она.

Со льдом эту штуку приличный человек не пьет. Привет из мира вечных ценностей: почти никакого спиртового удара в нос, главный вкус – апельсиновая корочка в сахаре. И оттенки ванили, конечно, и старого вина, греющая душу нежность и мягкость.

– Ты вернулся, – сказал я себе, глядя в пустоту. – Это чудо.

Я знал – на самом деле там не пустота, перед лицом у меня море. Правда, сейчас, вскоре после заката, там громадная дыра в неизведанное, ну, не совсем непроглядная: черно-оловянный мир внизу, намек на серую зелень выше.

Ничего-ничего, сейчас это произойдет, и вот уже происходит. Зеленоватые огни вспыхивают, один за другим, по ли-

нии, делящей мир пополам, и обозначают горизонт. Так ловят кальмаров – эти сгустки слизи со щупальцами, они идут на свет и стаями заплывают в сети из своих черных глубин. Сейчас, сейчас луна протиснется из-за облаков над морем, и мир возникнет снова.

Ну, а дальше был ужин в одиночестве на общей веранде, рядом с тем же невидимым морем – и еще дальше то, что вы уже знаете. Серый обезьяний хвост, свешивавшийся с крыши. Конечно, обезьяний. А чей же еще.

* * *

И на следующий день, повторим, я пошел искать Шурика. Сам пошел. Один.

Можете смеяться надо мной сколько угодно, но мысль моя развивалась так: по справочнику, на острове целых пятьсот тридцать шесть отелей. Грандиозных и маленьких. Чтобы зайти в каждый и спросить насчет большого, очень большого фаранга, который тут живет или жил раньше, нужно... допустим, отбывать по четыре отеля в день. А так как остров большой, очень большой, и до дальних его окончаний идти пешком не рекомендуется, то и четыре в день будет не всегда легко. Итого сколько дней получается? Что-то много.

Не говоря о том, что технически это сложно – пошлют куда подальше в половине отелей, охраняя покой постояльцев. И я даже не узнаю, где именно со мной вот так вежливо обо-

шлись, а где подобного клиента и правда не было. В общем, проверку отелей должны вести другие люди, они здесь заседают по понедельникам, а сейчас еще никак не понедельник.

Но то жители отелей. Еще есть многочисленная армия баб, людей песка. Это абсолютно отдельный мир. И вдобавок имеется пара-тройка прочих идей, до которых еще до понедельника у меня постепенно дойдут руки.

Но ключевое тут слово – как раз «постепенно». Как человек, долго работавший в тропиках, скажу вам, что акклиматизация и подстройка под местное время – не пустяк, даже для вполне здорового человека. А у меня еще и приказ – восстановиться (в процессе поисков).

И ведь я здесь, на острове, меньше суток, меньше суток даже в империи в целом. А раз так – выполняем приказ и действуем постепенно. Осматриваем окрестные территории, это же важно – понимать, что у тебя справа и слева, не говоря о том, что за спиной. А вот потом... ближе к вечеру... когда я стартую в задуманную небольшую экспедицию... а что если вот так, внезапно, я увижу его и скажу: ну, здравствуй, дорогой друг.

Шанс – один из тысячи. Но не ноль, потому что есть тут места, в которых... в которых... и я знаю эти места.

И вообще, какого черта. Еще ведь не понедельник, повторю в очередной раз.

Пляж – это место бесконечного парада вдоль моря, утром и на закате. И тут важно, что мои «Пески» замыкают пляж. Справа – гряда скал, скатывающихся в море как медведь-гора. Конечно, через полкилометра дальше снова идут цепочкой песчаные бухты, но вот этот всемирно знаменитый белый, шуршащий прибоем песок начинается далеко на горизонте слева – там в воду спускается еще один медведь, а завершается пляж здесь. Марширующие вдоль прибоя минуют мой домик и облюбованное мной место на песке перед ним, под густой листвой блумеи, проходят еще пятьдесят метров – а дальше дороги им нет. Только обратно. И они разворачиваются.

Мир на пляже прост и этим прекрасен. Дерево, песок, вода, небо.

Кокос прорастает в песке маленькой зеленой буквой V. Кому-то казалось, что эта мертвая голова с пучком седой мохалки не оживет, а вот размечтались. Будет еще одна пальма. Не скоро, так кто же здесь спешит.

А рядом такой же проросток блумеи, и в еще одном новом мире – не в том, что сегодня – тут вырастет громадное дерево, обожающее тянуться к морской воде длинными корнями, и под ним будет тень и покой.

Что тут еще: на грани прибоя полоса мелких, мокрых, вол-

шебно чистых ракушек всех нежных оттенков цвета.

Но вот и парад – марширует мощный мужчина с хохолком крашенных оранжевых волос вдоль головы, от лба до затылка, за ним семенит менее мощный персонаж, хохолок у него зеленоватый. Эту парочку я определил как лиц европейской национальности, условно говоря – доны Педро.

Дальше знакомое и неизбежное явление: местный подданный с головой, закутанной в белое полотно под шляпой, тащит по пляжу на плече доску размером со стол, к ней прикреплены бусы из ракушек. А куда от них денешься, это вечная ценность, еще бы он огненную воду нес. И ведь кто-то из лежащих на пляже такое покупает.

Доны Педро дошли тем временем до конца песка и... поднялись по ступенькам в домик недалеко от моего. А поскольку с того конца линии, справа, слышалась до сей поры только немецкая речь, то они не доны, а герры.

А потом, как это я не догадался. У них же не было рюкзаков. Нашим гостиничным людям рюкзак без надобности. А те, которые маршируют по пляжу километрами – у тех рюкзаки есть. И вот еще один такой персонаж – он идет почти по воде прибоя, нет, не идет. Он постоянно переходит на трусцу, с почти военной отмашкой рук. И от него доносится странное жужжание.

Два рюкзака (спереди и сзади), цветная шапочка характерных зелено-оранжево-синих цветов, он трусит и пританцовывает, на ходу что-то говорит или жужжит – учится чи-

тать речи, перекрикивая море, как Демосфен? И что-то мурлычет, и я уже слышу... Регги, конечно. Он же его слушает через наушники, понял я.

Они, значит, существуют. Давно ходили слухи, что растаманы никуда не исчезли, их тайный орден правит миром из-за кулис. И тут возникает глубокая философская мысль: растаманы – это особая порода ретроманов? И вообще, как уходят эпохи, и как они отказываются уходить? Был же великий восемнадцатый век, заикленный на менуэтах и прочих радостях, и вдруг – шмяк, менуэтов больше нет, а есть невиданные миллионные армии, марширующие по Европе. Зато возник вальс для офицеров этих армий и их дам. Как это происходит?

Если же говорить о моих более непосредственных делах, то вот этот, танцующий и жужжащий – типичный здешний бам.

А потом, в горячей зыби над песком, возникло волшебство. Женщина, настоящая – это именно такой силуэт, с раскачивающимися бедрами, с молодой и подпрыгивающей грудью. И она не идет, она плывет в дрожащем воздухе над линией прибоя.

Дальше – она уже здесь – шок: юное крепкое тело – и довольно зрелое лицо. Да ей же лет сорок, не меньше. Но она хороша, и... и я не враг женщин с обнаженной грудью на пляже. Я не возражаю против них.

Но – вот она совсем близко – нет, купальник или остатки

такового на ней есть. Просто он сливается с ее кожей, смуглой, упругой и – чуть-чуть серой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.